

К. Плотников

История русского раскола старообрядчества

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
К11

К11 **К. Плотников**
История русского раскола старообрядчества / К. Плотников – М.: Книга по Требованию, 2023. – 212 с.

ISBN 978-5-458-55856-3

ISBN 978-5-458-55856-3

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В В Е Д Е Н І Е.

Понятіе о расколѣ вообще и русскомъ расколѣ старообрядчества и сектантствѣ въ частности; общій характеръ русскаго раскола и сектантства, различіе между ними.

Въ Свящ. Писаніи словомъ «расколъ» (по-гречески-*σχιζμα*) называется распря (Іоан. 7, 43; 9, 16; 10, 19), раздѣленіе (1 Кор. 11, 18)—церковное (1 Кор. 1, 10), а въ твореніяхъ св. отцовъ и учителей Церкви и каноническихъ памятникахъ подъ нимъ разумѣется раздѣленіе «въ мнѣніяхъ о нѣкоторыхъ предметахъ церковныхъ и о вопросахъ, допускающихъ уврачеваніе» (Твор. Вас. Вел. ч. VII, стр. 2), т. е. такихъ, заблужденіе въ которыхъ не причиняетъ существеннаго вреда вѣрѣ и спасенію, каковы, напр., вопросы обрядовые. Манихеи, валентіане, маркіониты и пепузіане, замѣчаетъ св. Василій Вел.,—еретики, «ибо здѣсь есть явная разность въ самой вѣрѣ», каѳары же (новаціане, чистые), не принимавшіе на покаяніе отпадшихъ во время гоненій (1 всел. соб. 8 пр. и толк.)—раскольники, потому что «о покаяніи мыслити инако, нежели какъ сущіе въ Церкви, есть расколъ» (Твор. Вас. Вел. ч. VII, 2). Равнымъ образомъ и наши старообрядцы—тоже раскольники, потому что старообрядчество, въ сущности, есть послѣдованіе церковной старинѣ въ той области, которая касается внѣшней стороны Церкви, и существеннымъ признакомъ его служить содержаніе «старыхъ», т. е. употреблявшихся до патр. Никона, книгъ и обрядовъ. Книги эти напечатаны при первыхъ 5 патріархахъ не вполне исправно и заключаютъ въ себѣ множество словъ и выраженій, ошибочно напечатанныхъ или неясно и неточно переведенныхъ съ греческаго языка, много разностей, прибавленій и отъятій, а обряды не совсѣмъ точно выражаютъ заключающіяся въ нихъ православныя мысли и ученіе. Между тѣмъ старообрядцы признають тѣ и другіе не только вполне правильными и спасительными, но и требуютъ ихъ исключительнаго употребленія. По ихъ мнѣнію, въ «старыхъ» книгахъ содержится все необходимое для спасенія: каждое выраженіе, каждое слово, каждая буква, въ нѣхъ начертанныя, заключаютъ въ себѣ тотъ или другой великій догматъ вѣры православной; равнымъ образомъ и обря-

ды, употреблявшіеся до патр. Никона, напр.: двуперстіе, сугубая аллилуія, хожденіе по-солонь, исполненіе поклоновъ, какіе когда положены, даже ношеніе стариннаго платья и т. п.—премудрыя догматы православной вѣры, получившіе свое начало отъ Исуса Христа и апостоловъ. Поэтому, когда патр. Никонъ рѣшилъ привести русскую церковь въ согласіе съ тогдашнею греческою относительно обрядовъ и обычаевъ и исправить наши богослужебныя книги по греческимъ, то нѣкоторые изъ русскихъ людей подняли протестъ противъ этого согласованія, отказались принять новоисправленныя книги и обряды, отдѣлились отъ православной Церкви и образовали свое особое, *расколнническое* общество. Такимъ образомъ русскій расколъ старообрядчества есть явленіе церковной жизни русскаго народа и существенной, характеристической чертой его служить букво-обрядо-вѣріе. Правда, въ послѣдствіи старообрядцы стали учить неправильно и о нѣкоторыхъ догматическихъ вопросахъ, напр., о Церкви и таинствахъ, объ антихристѣ, а нѣкоторые и о Второмъ Лицѣ Св. Троицы, но такъ какъ ученіе ихъ появилось не съ начала раскола и общимъ, существеннымъ признакомъ служить не можетъ, то Церковь оставляетъ за ними прежнее названіе—*расколнниковъ*.

Слово «сектантство» (отъ латин. *seco*—рублю, отдѣляю) по своему первоначальному значенію близко подходитъ къ слову «расколъ», но по существу совершенно отлично отъ него. Такъ, рационалистическое сектантство (сюда относятся: духоборчество, молоканство, шундизмъ, нашковщина и толстовство), совершенно отвергаетъ авторитетъ Церкви и допускаетъ свободомысліе въ толкованіи св. Писанія, не придаетъ должнаго значенія церковной внѣшности и тайнодѣйствіямъ, отвергаетъ іерархію, почитаніе иконъ и мощей, крестное знаменіе, посты въ смыслѣ неяденія той или другой пищи и т. д. Мистическое же сектантство (сюда относятся хлыстовщина и скопчество) признаетъ начало внутренняго озаренія и откровенія и учить о непосредственномъ, таинственномъ единеніи человѣка съ Богомъ путемъ воплощенія Божества въ человѣкѣ, а въ ученіи о нравственности держится дуалистическихъ идей, т. е., что въ мірѣ два начала: доброе и злое; душа—произведеніе добраго начала, а тѣло—злого, почему послѣднее (т. е. тѣло) слѣдуетъ умерщвлять. Самою основною, существенною частью богослуженія сектантовъ-мистиковъ служатъ «радѣнія», т. е. молитвенныя собранія, сопровождающіяся пѣніемъ, пляскою, верченіемъ и мнимыми пророчествами. Отсюда ясно, что сектантство отнюдь не подходитъ подъ понятіе о расколѣ, а скорѣе должно быть подведено подъ понятіе «ересь».

Понятіе о наукѣ расколо-сектантства, характеръ ея и значеніе, раздѣленіе на части.

Наука, излагающая въ системѣ свѣдѣнія о расколѣ старообрядчества и сектантствѣ, называется: «Исторія и обличеніе русскаго раскола старообрядчества и сектантства». Характеръ ея—полемическій. Въ кругъ семинарскихъ наукъ она введена недавно (въ 1886 г.), но имѣетъ весьма важное значеніе, особенно для пастырей Церкви. Расколъ старообрядчества и сектантство распространены почти повсемѣстно въ Россіи и потому приходскіе пастыри «всегда должны быть на стражѣ и обладать способностью, чтобы и православныя свои паствы оградить отъ увлеченія расколо-сектантствомъ, и самихъ раскольниковъ и сектантовъ обличать и вразумлять съ цѣлію обращенія ихъ на путь истины. Для этого они должны быть основательно знакомы со всѣмъ, въ чемъ раскольники-старообрядцы и сектанты не согласуются съ православною Церковію, должны уметь доказать, почему именно неправильны всѣ ихъ положенія и толки» (Объясн. зап. къ прогр.). Неpravота эта обнаруживается, съ одной стороны, исторіей раскола старообрядчества и сектантства ¹⁾, а съ другой—обличеніемъ ихъ. Но такъ какъ расколъ старообрядчества и сектантство существенно различаются между собой и приемы обличенія ихъ совершенно различны, то и самая наука подраздѣляется на двѣ главныхъ части: 1) исторія и обличеніе ²⁾ русскаго раскола старообрядчества и 2) исторія и обличеніе русскаго сектантства ³⁾.

---

¹⁾ Исторія русской церкви не можетъ вмѣстить въ себѣ подробной исторіи русскаго раскола старообрядчества и сектантства, а въ видахъ успѣшной полемики эти подробности и важны.

²⁾ Обличеніе раскола старообрядчества см. въ нашей книгѣ «Руководство по обличенію русскаго раскола старообрядчества», изд. 7, вновь переработанное примѣнительно къ *последней* семинарской программѣ и указаніямъ 4 Всероссийскаго миссіонерскаго съѣзда. СІІБ., 1911 г.

³⁾ Эта часть науки мною изложена въ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Исторія и обличеніе русскаго сектантства»; въ 1910 г. вышелъ I вып., заключающій въ себѣ введеніе, краткую исторію и разборъ русскихъ мистическихъ сектъ, а II (и послѣдній) готовится къ печати.

Исторія русскаго раскола старообрядчества.

Г Л А В А I.

Происхожденіе раскола старообрядчества.

1. Историческія условія возникновенія раскола старообрядчества.

а) Обрядовое направленіе въ религиозной жизни русскихъ.

Вопросъ о происхожденіи раскола старообрядчества поднятъ въ литературѣ давно; рѣшеніемъ его въ прежнее время занимались очень усердно, занимаются и теперь, но къ единоголосному выводу еще не пришли. Многіе думаютъ, что расколъ есть слѣдствіе умственнаго невѣжества нашихъ предковъ, не сѣумѣвшихъ отличить существенное въ вѣрѣ отъ несущественнаго и приписавшихъ буквѣ богослужебныхъ книгъ и формъ обрядовъ значеніе догматической неизмѣняемости. Но такое объясненіе «не исчерпываетъ всего вопроса. Положимъ, извѣстные обряды, освященные преданіемъ, мѣстной стариной, могли получить не подобающее имъ значеніе догматовъ; но вѣдь и авторитетъ церковной іерархіи освященъ стариной и при томъ, не мѣстной, а вселенской, и его признаніе необходимо для спасенія. Св. отцы не спасались и безъ него. Какимъ образомъ старообрядцы рѣшились пожертвовать однимъ церковнымъ установленіемъ для другого, отважились спастись безъ руководства законной іерархіи, ими отвергнутой»¹⁾? Затѣмъ, видѣтъ въ уваженіи къ буквѣ богослужебныхъ книгъ и формъ обрядовъ слѣдствіе одного умственнаго невѣжества также несправедливо, потому что священный текстъ и обряды сами по себѣ имѣютъ важное значеніе въ нашей религиозной жизни: въ нихъ выражается сущность, содержаніе вѣроученія. Послѣднее, какъ извѣстно, слагается изъ свыше откровенныхъ истинъ и свыше откровенныхъ требованій— догматовъ и заповѣдей; первые недоступны логическому мышленію, а вторые— естественной волѣ челоуѣка и могутъ быть усвоены только религиознымъ познаніемъ или мышленіемъ и религиознымъ воспитаніемъ. Педагогическимъ пособіемъ для ихъ усвоенія слу-

¹⁾ Ключевскій, В. Курсъ рус. ист., ч. III, стр. 370. Москва, 1908 г.

жать священные тексты, дѣйствія и обряды. При этомъ, по закону психологической ассоціаціи, усвояемыя истины органически срастаются съ выражающими ихъ текстомъ, дѣйствіемъ и обрядомъ, такъ что онѣ чувствуются нами ближе, если сохраняются въ извѣстныхъ словахъ, въ одной опредѣленной формѣ. Такимъ образомъ здѣсь происходитъ то же, что въ поэзіи, музыкѣ и живописи. «Забудете рисунокъ или музыкальное сочетаніе звуковъ, которое вызвало извѣстное настроеніе — и вамъ не удастся воспроизвести это настроеніе. Какое угодно великолѣпное стихотвореніе переложите въ прозу — и его обаяніе исчезнетъ. Придумайте тексты и обряды лучше, совершеннѣе тѣхъ, которые воспитали въ насъ религиозное чувство; но они не замѣнятъ намъ нашихъ худшихъ»¹⁾. Въ виду столь тѣсной связи церковныхъ текстовъ и обрядовъ съ свыше откровенными истинами и требованіями, Церковь издревле усвояла имъ важное значеніе, хотя никогда не придавала характера догматической важности и неизмѣняемости: выработавъ тѣ или другіе обряды и обычаи сообразно мѣсту и времени, она вводила ихъ въ употребленіе и, когда находила нужнымъ, то измѣняла ихъ или замѣняла новыми. При этомъ нерѣдко бывало и такъ, что новый обрядъ не успѣвалъ вытѣснить стараго и существовалъ на ряду съ нимъ, и такимъ образомъ получалось два различныхъ обряда, или же двѣ формы одного и того же обряда. Между тѣмъ наши предки, принявъ всѣ церковные обряды и чины въ готовомъ видѣ, были убѣждены, что эти чины и обряды ведутъ свое начало отъ самого Христа и апостоловъ, которые установили ихъ въ одной, строго опредѣленной формѣ и соединили съ ней точный, всегда опредѣленный смыслъ, такъ что если они поучительны, назидательны и спасительны для вѣрующихъ, то только подъ условіемъ сохраненія ихъ въ своемъ первоначальномъ видѣ. Значить, по своему происхожденію, смыслу и назначенію они должны быть всегда одинаковы во всей вселенской Церкви и измѣнять ихъ нельзя²⁾. Этотъ взглядъ въ силу нѣкоторыхъ, чисто мѣстныхъ условій, мало по малу окрѣпъ и въ XV в. утвердился у насъ окончательно. Условія эти слѣдующія.

1) Во время принятія христіанства наши предки, отчасти по своей неразвитости, а отчасти по привычкѣ видѣть вѣру въ различныхъ обрядахъ (жертвоприношеніяхъ, куреніяхъ, поклоненіи идоламъ и т. п.), обратили особенное вниманіе на *внѣшнюю сторону* его: церковное богослуженіе, чины, уставы и обряды церков-

¹⁾ Ключевскій, В. Курсъ рус. ист., III, 370—372.

²⁾ Голубинскій, Е. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Москва, 1905 г., стр. 3—5; Каптеревъ, Н. Патріархъ Никоиъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Т. I, стр. 190—191. Сергіевъ-Посадъ, 1909.

ные. Наступившее затѣмъ монгольское иго своею тяжестью невольно обращало ихъ мысль къ Богу, «развивало потребность въ молитвѣ, а чѣмъ болѣе развивалась эта потребность, тѣмъ сильнѣе и вниманіе останавливалось на доступныхъ, видимыхъ сторонахъ религіи». Главною добродѣтелью нашихъ предковъ, особенно князей, было устройство и украшеніе храмовъ Божіихъ, снабженіе ихъ утварью, иконами и богослужебными книгами: это, по ихъ понятію, «душеполезный путь, возводящій къ Богу». Большимъ уваженіемъ пользовалась и христіанская святыня. Иконы и кресты ставились въ каждомъ домѣ и комнатѣ, на площадяхъ, большихъ дорогахъ и другихъ открытыхъ мѣстахъ, у князей и богатыхъ людей были особыя комнаты—молебни, гдѣ всѣ стѣны были увѣшаны иконами и крестами. Различные предметы, освященные въ церкви, напр.: просфоры, вода, елей и т. п., съ благоговѣніемъ уносились домой и употреблялись тамъ нерѣдко, какъ цѣлительныя средства; богослужебнымъ книгамъ придавалось значеніе наравнѣ со словомъ Божіимъ. Молитва, сопровождаемая усердными поклонами, строгое соблюденіе постовъ считались обязательными для всѣхъ и выполнялись съ такою строгостію, что вызывали удивленіе иностранцевъ. Самая мірская жизнь устроилась по подобію монастырской.

2) Просвѣтивъ Русь христіанскою вѣрою, греки обратили вниманіе на умственное просвѣщеніе русскихъ и пытались ввести образованіе научное; о томъ же заботилось и правительство. Но русскіе, по своей неразвитости, не видѣли въ такомъ образованіи никакой пользы, а потому оно и не привилось. Все дѣло образованія было сведено на одну *грамотность* и *начитанность*. Со времени татарскаго нашествія просвѣщеніе на Руси не улучшилось, а ухудшилось, потому что не стало ни книгъ, ни учителей. Прежніе учителя-греки, испугавшись татарскаго погрома, бѣжали изъ Россіи, а на западно-европейцевъ наши предки смотрѣли, какъ на еретиковъ. Приходилось ограничиваться собственными образовательными средствами; но эти средства были недостаточны. Существовавшія при нѣкоторыхъ церквяхъ, монастыряхъ и въ домахъ частныхъ лицъ *школы* не были правильно организованы, и въ нихъ обучали только грамотѣ и богослужебной практикѣ. Учителями въ нихъ были духовныя и свѣтскія лица; послѣднія назывались мастерами и, при обученіи дѣтей, большею частію преслѣдовали корыстныя цѣли. По свидѣтельству Стоглава, эти мастера грамотѣ часто сами мало умѣли, а силы писанія совсѣмъ не разумѣли, и потому могли научить своихъ учениковъ немногому. Новгородскій архіепископъ Геннадій (1495—1511 г.) въ своемъ посланіи къ митр. Симону ¹⁾

¹⁾ См. это посланіе въ Ак. Истор. 1, № 104.

также свидѣтельствуется: «Мужики-невѣжи учатъ ребятъ грамотѣ и только рѣчь имъ портятъ... а отойдетъ (ученикъ) отъ мастера—ничего не умѣетъ, едва только по книгѣ бредеть, о церковномъ же порядкѣ понятія не имѣетъ». Ко времени Стоглаваго собора колпчество и этихъ школъ значительно *убавилось*: почти совсѣмъ негдѣ было учиться (Стогл. гл. 25). Не увеличилось количество школъ и послѣ Стоглаваго собора, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ иностранцы. «Во всей Московіи, говоритъ одинъ изъ нихъ, нѣтъ школъ и другихъ способовъ къ изученію наукъ, кромѣ того, чему можно научиться въ монастыряхъ» (Кобенцель). Но и монастырскія школы въ это время были въ упадкѣ. Одни священники, да и то немногіе, обучали дѣтей чтенію и письму.

Дальнѣйшее образованіе происходило подъ руководствомъ церковной письменности, состоявшей, болышею частію, изъ переводныхъ сочиненій, помѣщенныхъ въ разнаго рода сборникахъ—законодательныхъ, учительныхъ, библейскихъ и т. п. Чтеніе подобныхъ сборниковъ, конечно, нѣсколько развивало нашихъ предковъ, но лишь въ одномъ направленіи, такъ какъ самые сборники трактовали, главнымъ образомъ, о томъ, какъ угодить Богу и наследовать царство небесное, при чемъ все дѣло спасенія сводилось къ требованіямъ внѣшней набожности. Въ большомъ употребленіи были затѣмъ апокрифическія произведенія, но они болѣе противодѣйствовали, чѣмъ содѣйствовали умственному просвѣщенію.

При такихъ образовательныхъ средствахъ не удивительно, что въ обществѣ распространилось мнѣніе, что не дѣло мірянъ «чести книги»; сами мастера (учителя) говорили: «грѣхъ простымъ (мірянамъ) чести апостолъ и евангеліе» и своихъ любознательныхъ учениковъ отговаривали отъ чтенія, говоря, что отъ чтенія можно сойти съ ума и впасть въ ересь. Равнымъ образомъ вполне естественно было свести всю сущность религіи на одну внѣшнюю набожность, которая мало по малу превратилась въ мертвообрядовое направленіе.

Въ XVI в. это направленіе достигло крайней степени. Въ литературныхъ произведеніяхъ того времени можно нерѣдко встрѣтить подробныя правила относительно часовъ для молитвы, количества поклоновъ и молитвъ при чтеніи каѳизмъ, качества пищи, вкушаемой въ тѣ или другіе постные дни, и т. п. Внѣшней, механической молитвѣ придавалось значеніе дѣйствительной молитвы, независимо отъ внутренняго расположенія. Дѣйственность молитвы нерѣдко измѣряли часами; поэтому говорили, что придти къ церковному богослуженію послѣ чтенія евангелія — тоже самое, что совсѣмъ не ходить въ церковь. Многіе думали, что для соблюденія поста достаточно только не вкушать мясныхъ и рыбныхъ блюдъ и т. п. Такое направленіе русскаго народа съ особенною ясностію

выразилось въ постановленіяхъ Стоглаваго собора (*Стоглавъ*): сугубая аллилуія, двуперстіе и небритіе бороды и усовъ разсматриваются здѣсь, какъ догматы вѣры, и неприкосновенность ихъ ограждена анафемой (гл. 31, 40, 42).

б) Мнѣніе русскихъ книжниковъ о православіи русскихъ и грековъ.

Вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою русскіе приняли отъ грековъ весь церковный чинъ и обрядъ и всю вообще церковно-обрядовую практику. Но въ то время церковно-обрядовая практика у самихъ грековъ не установилась еще во всѣхъ частностяхъ и подробностяхъ, а продолжала развиваться и видоизмѣняться. Даже самый уставъ церковный перемѣнился: вмѣсто студійскаго, перешедшаго и къ намъ, былъ введенъ потомъ іерусалимскій. Отсюда естественно должны были явиться значительныя перемѣны въ церковной практикѣ. Эти перемѣны, благодаря постояннымъ, живымъ сношеніямъ съ православнымъ востокомъ и особенно митрополитамъ-грекамъ, переходили къ намъ и, сталкиваясь съ нашими порядками, вызывали вопросы, недоумѣнія и даже споры, такъ какъ при своемъ взглядѣ на значеніе церковныхъ чиновъ и обрядовъ, наши предки никакъ не могли допустить ихъ измѣненія, равнымъ образомъ и того, чтобы одинъ и тотъ же обрядъ могъ существовать въ различныхъ формахъ. Съ особенною силою споры эти возгорѣлись по поводу возглашенія пѣсни аллилуія и церковныхъ кругохожденій при освященіи храмовъ.

Споръ объ аллилуіи былъ поднятъ во Псковѣ. Слыша двоякое возглашеніе аллилуіи и думая, что православно только одно которое-либо, псковичи недоумѣвали, который изъ двухъ способовъ возглашенія есть истинный и православный. За рѣшеніемъ недоумѣнія они обратились къ московскому митрополиту Фотію. Тотъ, имѣя въ виду практику современныхъ грековъ, въ посланіи отъ 12 августа 1419 г., приказалъ имъ троеить аллилуію. Послѣ этого въ Псковѣ и псковской области утвердился единообразный обычай троенія аллилуіи, но въ другихъ мѣстахъ на ряду съ нимъ продолжало существовать и двоеніе. Поэтому спустя лѣтъ 35 снова былъ поднятъ вопросъ объ аллилуіи. Особенно сильно интересовался имъ инокъ псковскаго Елеазарова монастыря Евфросинъ. По словамъ его житія¹⁾, за рѣшеніемъ этого вопроса онъ обращался ко многимъ лицамъ, но удовлетворительнаго отвѣта не получилъ, и потому отправился въ

¹⁾ Житіе Евфросина составлено неизвѣстнымъ монахомъ въ концѣ XV или началѣ XVI в., по случаю усилившихся тогда споровъ объ аллилуіи, а впоследствии переработано и отчасти передѣлано священникомъ Василиемъ.

Константинополь, а оттуда на Афонъ и въ другіе греческіе монастыри. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ аллилуію сугубили; патриархъ константинопольскій Іосифъ также велѣлъ сугубить ее. Поэтому, по возвращеніи съ востока, Евфросинъ ввелъ въ своемъ монастырѣ сугубую аллилуію. Но противъ него возстало все псковское духовенство во главѣ съ распопомъ *Іовомъ*, пользовавшимся большимъ уваженіемъ у псковичей. Чтобы убѣдить Евфросина употреблять трикратную аллилуію, рѣшено было отправить въ Елеазаровъ монастырь посольство, въ которомъ были діаконъ Филиппъ и какой-то священникъ, «оба мудра зѣло философа». Посланные говорили Евфросину: «ты колеблешь церкви Божіи, мутишь благодатный законъ; мы издревле навыкли троеить аллилуію: гдѣ тройная аллилуія, тамъ есть совершенная Троица». Но Евфросинъ стоялъ на своемъ и ссылался на авторитетъ патр. Іосифа. Тогда псковичи отправили къ нему посланіе, написанное Іовомъ. Онъ прочиталъ посланіе и сказалъ, что Іовъ, написавшій это посланіе и бывший прежде столпомъ благочестія, сталъ теперь «столпомъ смраднымъ и мотыльнымъ» и что такихъ людей слушать не слѣдуетъ. Тогда всѣ псковичи вооружились противъ Евфросина и открыто называли его еретикомъ, а его монаховъ—вѣроотступниками. Поселяне, проходя мимо его монастыря, перестали снимать шапки. Находясь въ такомъ положеніи, Евфросинъ послалъ письмо къ новгородскому епископу Евѣмію (1434—1458 г.), съ просьбой разрѣшить возгорѣвшійся между нимъ и псковичами споръ и запретить Іову называть его (Евфросина) еретикомъ. Но Евѣмій не рѣшилъ спора и не защитилъ Евфросина отъ его обвинителей. Тогда послѣдній обратился къ московскому митр. Іонѣ, но тотъ въ отвѣтъ лишь написалъ псковичамъ увѣщаніе не допускать разногласія въ церквяхъ Божіихъ и въ православной вѣрѣ. Видя упорство Евфросина и будучи не въ силахъ побороть его, псковичи кончили дѣло тѣмъ, что написали указъ, чтобы троеить аллилуію, потому что кто двоитъ ее, тотъ разлучаетъ Св. Духа отъ Отца и Сына. Послѣ этого споръ утихъ, но не прекратился окончательно, продолжая волновать общество и послѣ смерти главныхъ виновниковъ его—Евфросина († 1481 г.) и Іова. За рѣшеніемъ его новгородскій архіеп. Геннадій (1484—1504 г.) обращался къ ученому греку Дмитрію Герасимову (Толмачу), и тотъ (въ 1491 г.) отвѣтилъ, что въ догматическомъ отношеніи то и другое употребленіе аллилуіи безразлично, такъ какъ трегубая аллилуія являетъ трипостасное единосущное Божество, а сугубая—выражаетъ мысль о двухъ естествахъ во Христѣ. Но это разумное рѣшеніе не удовлетворило нашихъ предковъ, и споры продолжались.

Чтобы защитить правильность сугубой аллилуіи, ревнители

его прибѣгли даже къ поддѣлкамъ и вымысламъ. Такъ, приказаніе митр. Фотія трюить аллилуію было передѣлано въ приказаніе сугубить, затѣмъ къмъ то было составлено житіе преп. Евфросина псковскаго, въ которомъ на преп. Евфросина были перенесены данныя изъ исторіи монаха Аѳанасія ¹⁾ и придуманъ нелѣпый рассказъ о явленіи сочинителю Божіей Матери, протолковавшей «тайну сугубой аллилуіи» и запретившей трюить ее. Въ 1547 г. священникъ Василій помѣстилъ въ этомъ житіи новый вымыселъ, будто бы царградскій патр. Іосифъ далъ Евфросину даже письменное наставленіе сугубить аллилуію. Нѣчто подобное допускали со своей стороны и защитники трикратной аллилуіи ²⁾.

Споры о церковныхъ кругохожденіяхъ происходили въ самой Москвѣ. Въ 1479 г., при освященіи московскаго Успенскаго собора, митр. Геронтій (1473—1489 г.) ходилъ съ крестами противъ солнца. Какіе-то «прелестники» были недовольны этимъ и наклеветали великому князю Іоанну Васильевичу III, что митрополитъ поступилъ не по правиламъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ слѣдовало ходить по солнцу. Тотъ разгнѣвался на митрополита и сказалъ, что «того ради гнѣвъ Божій приходитъ». Въ слѣдующемъ году началось разслѣдованіе вопроса. Сначала это дѣло было поручено новгородскому архіепископу Теофілу (1471—1486). Но тотъ не нашелъ въ книгахъ рѣшенія. Тогда составили соборъ. На этомъ соборѣ «рѣчей было много и много спору учинися». Митрополитъ въ защиту себя ссымался на то, что діаконъ, при кажденіи престола, начинаетъ съ правой стороны и, слѣдовательно, ходитъ вкругъ престола противъ солнца; а одинъ игуменъ заявилъ, что онъ былъ свидѣтелемъ освященія церкви на Аѳонѣ и видѣлъ, что тамъ ходили съ крестами противъ солнца. Противъ митрополита говорили чудовскій архимандритъ Геннадій и ростовскій архіепископъ Вассіанъ (1468—1481 г.). Они не представляли никакихъ свидѣтельствъ, а только говорили, что «Христось—солнце праведное наступилъ на адъ, связалъ смерть и освободилъ души; потому и на Пасху исходятъ, тоже прообразуютъ на утрени» ³⁾. Препирались долго, но истины не обрѣли. Скоро вопросъ проникъ въ общество и вызвалъ большіе толки. Митрополитъ не рѣшался освящать новыхъ церквей и придѣловъ и, не зная, что дѣлать, въ 1482 г. удалился въ Симонову обитель. На сторонѣ его было

¹⁾ Подроб. см. объ этомъ въ сочиненіи Голубинскаго «Къ нашей полемикѣ съ старообр.», стр. 208—212.

²⁾ Смирновъ П. С. Ист. рус. раск. старообр., стр. 14. СПб., 1895 г., изд. 2-е.

³⁾ Вѣроятно, эти слова имѣютъ такой смыслъ: должно ходить, при освященіи церквей, по солнцу, съ востока на западъ, какъ Христось—солнце праведное притекъ съ востока на западъ, гдѣ побѣдилъ адъ и смерть, и какъ на Пасху и во всякую утрени исходятъ изъ алтаря отъ востока на западъ—въ притворъ для литіи.